

Ночь давно вступила в свои права, но по улицам всё ещё катили редкие экипажи. Фонари на их передках покачивались на ходу, напоминая блуждающие болотные огни. По соседству с поместьем Ян тянулись глухие ограды богатых усадеб; под их черепичными крышами ровными рядами висели бумажные фонари. Колышась под порывами ночного ветра, они заливали мостовую зыбким, призрачным светом.

Белый силуэт скользнул тенью мимо качающихся огней. Он то прижимался к глухим стенам, то бесшумной лаской стелился над мостовой. Сегодня Бай По выжимал из своего искусства лёгкости всё до последнего предела, но на хвосте у него плотно висели несколько ищеек. Похоже, за последние годы семья Ян не поскупилась, собрав под своим крылом немало мастеров боевых искусств со всей Поднебесной.

Это становилось невыносимым. Он принял на себя прямой удар ладонью от Ян Синя, а затем, наплевав на впившиеся в тело иглы, запечатывающие душу, продолжал черпать внутреннюю энергию. После столь долгой и яростной схватки меридианы горели огнём, ци текла хаотично, и даже шаг становился зыбким. Если погоня затянется, ищейки Янов рано или поздно загонят его насмерть прямо здесь, в Сучжоу.

Сжав зубы, Бай По заставил себя собраться. Отбросив всякие попытки скрыть свою ауру, он взмыл в воздух и помчался напрямую по черепичным крышам. Едва он покинул прежнее укрытие, как туда бесшумным дождём соскользнули чёрные силуэты преследователей.

Если он сложит здесь голову, какие рожи скорчат остальные четыре хранителя в главном храме?

«При одной лишь мысли об их вытянутых физиономиях, — Бай По невольно усмехнулся. — А уж если представить, как они станут оплакивать меня на всеобщем собрании секты, напустив на себя скорбный вид...»

Ему сделалось прямо-таки дурно.

Ведомый этой мощной волной отвращения к собственной гибели, он перемахнул через улицу и взлетел сразу на балкон третьего этажа — прямо в распахнутые окна весёлого заведения, сиявшего огнями и утопавшего в пьяном шуме.

Едва он шагнул за угол коридора, как прямо на него налетела девица в длинном платье нежно-жёлтого цвета. От неожиданности она даже не вскрикнула, а лишь умело пошатнулась, падая прямо в объятия незваного гостя.

— Молодой гос... — она осеклась. — Ой? Барышня?

Тонкобровая кокетка поспешно выпрямилась и теперь в глубоком недоумении разглядывала юношу.

Пояс его белоснежного халата остался в когтях Ян Синя, и теперь просторные полы одежды больше походили на женское платье. Волосы растрепались и волной лежали на плечах, фигура казалась слишком хрупкой для мужчины, а довершало картину круглое, по-детски пухлое лицо.

Неудивительно, что девица не сразу сообразила, кто перед ней — парень или девушка.

Впрочем, девицы этого заведения знали своё дело. Приглушённо рассмеявшись, она вновь прильнула к нему и заворковала, лениво растягивая слова:

— Какой хорошенький господин... Вы уже присмотрели себе спутницу на вечер? Если нет, позвольте Сяо Мэй составить вам компанию за кувшином вина.

Говоря это, она запустила тонкие пальцы под распахнутый ворот его халата, медленно очерчивая круги на груди.

Бай По даже не взглянул на неё. Грубо оттолкнув благоухающую девицу, он процедил ледяным тоном, не терпящим возражений:

— Сам разберусь. Ступай куда шла.

Он развернулся и быстро зашагал прочь. Оставшись одна, Сяо Мэй недовольно хмыкнула, но тут же перевела взгляд на лестницу и расплылась в профессиональной улыбке:

— Ах, господин Чэн! Наконец-то вы пришли!..

Оставив кокетку позади, Бай По направился к комнате в самом конце западного крыла. Оттуда наверняка открывался отличный вид на улицу — лучшего места для наблюдения не придумать. К тому же, если бы он до сих пор не сообразил, в какое именно заведение его занесло, то грош цена ему как взрослому мужчине.

На третьем этаже царила относительная тишина. Просторные, даже излишне роскошные покои явно предназначались для знатных и богатых гостей. Остановившись у дверей крайней комнаты, Бай По услышал доносящиеся изнутри звуки, от которых любая приличная барышня непременно залилась бы краской.

Но старейшина Бай не был кисейной девицей. Он не выразил ровным счётом ничего, когда бесцеремонно распахнул дверь. Скользнув взглядом по широкому ложу, он хмыкнул — обитатели комнаты даже не обратили внимания на скрип петель. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: в подобных притонах насилие и принуждение процветали испокон веков.

Он не собирался вмешиваться в чужие дела, однако то, что происходило на постели,

стремительно перерастало в откровенную резню, игнорировать которую становилось затруднительно. Из-под навалившегося тела жертва смотрела заплаканными глазами. Посчитав пришельца спасителем, жертва взмолилась сквозь слёзы:

— Помогите...

Этот жалобный вскрик наконец привлёк внимание насильника. Крепко сложенный мужчина оторвался от своего занятия, вскинул голову и свирепо уставился на Бай По:

— Ты ещё кто такой, ублюдок?

Бай По лишь брезгливо поморщился. С самым невозмутимым видом он закрыл за собой дверь, подошёл к окну и скользнул взглядом по ночной улице.

— Продолжайте, — бросил он через плечо. — Мне нужно переждать здесь немного. Не обращайтесь на меня внимания.

Подобное равнодушие привело громилу в ярость. Схватив висевший у изголовья кровати клинок, он взревел:

— Щенок, жить надоело?! — и бросился на незваного гостя.

Бай По мысленно вздохнул. Меньше всего ему хотелось сейчас наживать новые неприятности, но стоило ему прибыть в Сучжоу, как проблемы покатались на него лавиной. Ленивым, почти неуловимым движением он подхватил со стола тяжёлый нож для резки бумаги и одним точным ударом вогнал его громиле прямо в горло.

Мужчина рухнул на пол, зажимая руками хлещущую кровь. Он беззвучно разевал рот, содрогаясь в предсмертных судорогах. Бай По с брезгливостью отодвинул угасающее тело носком сапога и пробормотал:

— Я же просил: продолжайте своё дело. Зачем на рожон лезть?

Оставшийся на постели пленник мигом перестал плакать. Поняв, что странный спаситель не собирается ему помогать, он принялся зубами распутывать верёвки на запястьях — благо завязаны они были наспех. Освободившись, он неторопливо поднялся и начал приводить в порядок одежду.

По первому же хриплому вскрику Бай По понял, что перед ним не девица, а юноша. Впрочем, для него не было никакой разницы. Попробуй этот сопляк издать хоть один лишний звук — и он мгновенно отправился бы на тот свет вслед за хрипящим на полу громилей.

Спасённый, судя по всему, нисколько не тревожился из-за зловещего молчания своего избавителя. Закончив одеваться, он некоторое время сидел на краю ложа, словно о чём-то размышляя, а затем уверенным шагом подошёл к нему.

— Мне стоит поблагодарить тебя? — раздался тихий, удивительно мягкий и чистый голос.

Бай По повернул голову, разглядывая собеседника. Тот оказался скорее молодым мужчиной, нежели подростком: тёмные волосы едва достигали плеч, тонкий разрез глаз, высокая переносица и бледные, очень тонкие губы — полная противоположность самому Бай По, чьё круглое, по-детски припухлое лицо отличалось мягкостью черт.

— Ты сейчас у меня разрешения спрашиваешь? — сухо спросил Бай По.

По сравнению с глубоким, бархатистым голосом незнакомца, голос Бай По звучал звонко и чисто, точь-в-точь как у семилетнего ребёнка. Услышав этот детский лепет из уст безжалостного убийцы, юноша удивлённо приподнял брови и вновь принялся его разглядывать.

Ван Шо только что видел, как этот малец хладнокровно, и глазом не моргнув, лишил человека жизни. Он ожидал чего угодно, но только не этого нежного, по-детски невинного голоса. Контраст казался до крайности диким.

Он окинул взглядом хрупкую, почти истощённую фигуру убийцы. Круглые, пухлые щёки совершенно не вязались с общей худобой. Черты лица были простыми и незатейливыми, но вот глаза... Они были необычайно чёрными, почти бездонными, лишёнными всякого живого тепла. Из-за детской полноты лица пареньку нельзя было дать больше десяти-двенадцати лет. Вся его фигура дышала пугающей странностью.

Заметив на себе этот пристальный, изучающий взгляд, Бай По недовольно прищурился. Природа наделила его лицом и голосом вечного ребёнка — он выглядел так в детстве, остался таким же и сейчас. Не будь он столь высок, его бы до конца дней принимали за сопливого мальчишку. Больше всего на свете он ненавидел, когда люди бесцеремонно пялились на его лицо.

— Благодарить или нет — дело твоё, — произнёс он тонким детским голоском, источая неприкрытую угрозу. — Но если ты не перестанешь на меня пялиться, я выколю твои глаза и лопну их под каблуком, как рыбы пузыри.

Бай По говорил совершенно обыденно, не видя в своих словах ничего предосудительного. В конце концов, за свою жизнь он раздавил немало чужих глаз, так что сравнение с рыбьими пузырями было для него самым будничным.

— Ну, тогда и утруждать себя не стану, — безразлично отозвался Ван Шо, отводя наконец взгляд.

Бай По невольно дёрнул щекой от такой наглости.

— Вообще-то, это я спас твою шкуру! — напомнил он.

— Знаю, — кивнул тот с самым невозмутимым видом. — Но я ведь спросил твоего мнения, и ты сам сказал, что тебе всё равно.

— А твоя благодарность что, золотом отливает? — Бай По почувствовал, как у него снова начинает дёргаться веко.

— Как грубо и приземлённо. Благодарность не измеряется монетами. Это вопрос моих душевных качеств.

Бай По с силой опустил ладонь на стол. С трудом выдавив из себя подобие дружелюбной улыбки, он процедил сквозь зубы:

— И каким же это боком касается твоих душевных качеств?

— Видишь ли, я...

— Заткнись!

<http://bllate.org/book/18409/1768711>